

**Парадигма суверенности: теоретико-правовые аспекты становления
нововременного государства**

Лебедев Владислав Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Москва, Россия

E-mail: lebedev.vladislav2001@mail.ru

Французское слово «souveraineté» переводится как «верховная власть». Исходя из этого, применительно к внутриполитическим отношениям традиционно предлагается рассматривать суверенитет именно как верховенство государственной власти в пределах определенной территории. Но такой подход мало что проясняет, поскольку применительно к суверенитету термин «верховенство» приобретает специфические коннотации. Г. Еллинек справедливо отмечал, что рассматриваемое понятие можно понять только в связи с исторической борьбой государства за право на существование: «Задачей его остается энергичное отрицание притязаний всех противодействующих его прогрессивному развитию сил» [1, с. 439]. Поэтому, прежде всего, обратимся к истории.

В Средние века мощным противовесом королевской власти были такие политические акторы, как Папа Римский, Император Священной Римской империи и аристократия; важную роль играли городские и торговые сообщества. В этом отношении понимание власти в средневековых политических сообществах, для которых было характерно сосуществование различных юрисдикций в пределах одной территории, вступает в противоречие с современной парадигмой суверенности. Важной вехой на пути ее становления стал Вестфальский мир 1648 года, который юридически закрепил переход к модели взаимоотношений равноправных суверенных государств. Европа была поделена между независимыми монархами, которым было даровано территориальное господство (Landeshoheit). Правители получили такие привилегии суверенитета, как право содержать собственные вооруженные силы; право самостоятельно регулировать религиозные отношения на своей территории; право заключать союзы между собой и с зарубежными властями, если они не направлены против императора [2, с. 112-113].

Исходя из этого, попробуем теперь охарактеризовать тот тип юридического мышления, который окончательно утвердился в раннее Новое время. Представляется необходимым сделать акцент на соотношении понятий суверенитета и власти. Между ними существует качественное различие, и было бы ошибкой пытаться определить суверенитет как, скажем, монополию на власть. Правильнее говорить о *потенциальном* полномочии суверена: он может непосредственно принимать все решения, но, *во-первых*, такое полномочие является следствием, а не сущностью суверенитета; *во-вторых*, представление о полномочии нереалистично с точки зрения существующих политических практик. Для него монополия на власть является даже нежелательной, поскольку эффективнее делегировать полномочия различным государственным органам, чтобы перенести на них бремя принятия мелких технических решений, в которых отсутствует политический элемент. Таким образом, полномочие является лишь возможным, но невоплотимым в реальности следствием статуса суверена.

В чем же тогда заключается сущность суверенитета? По словам Ж. Маритена, суверен в силу внутренней логики данного понятия является *верховным* «*абсолютно* или *трансцендентно*, а не в *относительном смысле* и не как *высшая часть* целого... Его независимость и власть не верховны только *по отношению* к любой другой части политического целого, как пребывающие на вершине или в высшей части этого целого; они

верховны в *абсолютном смысле*, как пребывающие *над* этим целым» [4, с. 44]. В этой связи наиболее обоснованной видится децизионистская трактовка суверенитета К. Шмитта, который рассматривал суверенитет как монополию решения. В концепции немецкого ученого суверен, если в этом имеется необходимость, принимает решение не на основании существующего правопорядка. Напротив, своим решением он сам устанавливает порядок. При этом наиболее отчетливо сущность суверенитета проявляется при исключительной ситуации, когда «решение обособляется от правовой нормы и . . . авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, не нужны иметь право» [6, с. 16]. По сути, ключевой элемент компетенции суверена — это именно определение соответствия ситуации критериям «нормальности» и (при необходимости) принятие решения, не опирающегося на правовые нормы. Но и в нормальной ситуации суверен должен быть гипотетической последней инстанцией, причем нет такого вопроса, который он при желании не мог бы принять к рассмотрению (это и есть элемент потенциального полномочия). Если же существует некий арбитр, к которому можно обратиться при несогласии с решением якобы суверена, значит, сувереном является как раз этот арбитр.

Эта последняя ремарка подводит нас к ответу на один из важнейших вопросов всей теории государства: может ли суверен ограничить, связать узами права самого себя? Это уже вопрос о соотношении суверенитета и права. Если обратиться к трудам классиков политической и правовой мысли, то почти все они констатировали неограниченный, надправовой характер суверенитета. Ограниченной может быть власть государственного органа, а верховенство суверена — нет. Еще Ж. Боден указывал, что суверен не связан своим законом, так же как не связан клятвой, принесенной самому себе. Революция в умах, произведенная Боденом, в том и заключалась, что закон перестал пониматься как заранее данный и неизменный, и стал рассматриваться как продукт человеческой воли. Как отмечал Б. Леони, долгое время в континентальной Европе закон воспринимался не как что-то «введенное в действие», а как нечто «существующее», что необходимо «обнаружить», «открыть» [3, с. 163]. В отличие от этого, пишет М.М. Федорова, «для Бодена принцип суверенитета выражается, прежде всего, в автономии политики, понимаемой как человеческое действие, которое само себе дает закон. Закон проистекает из человеческого действия, и это есть основание государства» [5, с. 155].

Таким образом, понятие суверенитета, будучи по своей природе конкретно-историческим, предполагает *трансцендентное* и *надправовое* верховенство. Именно такое понимание во многом предопределило траекторию развития европейских государств в Новое время. Представление же о том, что суверен должен быть поставлен в правовые рамки, неизбежно приводит к логическому парадоксу.

Источники и литература

- 1) Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.
- 2) Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- 3) Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. 308 с.
- 4) Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.
- 5) Фёдорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. 2009. № 1. С. 154–164.
- 6) Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.